

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО ДЕЛО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА АЛЕКСЕЯ ЛОПУХИНА

очерк

Сумрачное зимнее утро в Петербурге еще только-только готовилось превратиться в пасмурный день, но уже первые его проблески не предвещали этому дню 18 января 1909 года ничего доброго и благополучного. В потемках Таврической улицы группа жандармов, четко соблюдая субординацию, быстро входила в подъезд роскошного дома, где проживал их недавний высший начальник, статский советник Алексей Александрович Лопухин. Другие полицейские поднимались по лестнице с черного входа. Всего в операции участвовало до 40 человек.

Ранний звонок разбудил семью, прислуга не могла понять, что случилось. В квартиру бесцеремонно ввалились с мороза столичный прокурор и его “товарищ” (говоря современным языком – заместитель, помощник), пристав с помощником, околоточный надзиратель, городовые, дворники-понятые. Младшие чины с привычным подострастием были готовы именовать 45-летнего Лопухина “вашим высокородием”, но чиновники повыше уже не соблюдали этикета и с брезгливостью оглядывали

жилище “государственного изменника”. А сам он, одетый по-домашнему, давно, кажется, готовый к такой развязке запутанных обстоятельств, даже с интересом наблюдал за тем, как “работают” его коллеги, собирая компромат в таком объеме, чтобы хватило минимум на несколько лет каторги. Начался изнурительный семичасовой обыск, после которого бывший директор департамента полиции МВД Российской Империи А.А. Лопухин был допрошен, арестован и доставлен в корпус № 1 печально известной тюрьмы “Кресты”.

Следствие по делу Лопухина продолжалось три месяца. Было о чем задуматься, вспомнить, понять, что же произошло с ним и с его родиной, почему он, потомственный дворянин, блестящий юрист, чиновник с головокружительной карьерой, в итоге стал матушке-России “изменником”...

ОРЛОВСКИЙ ГИМНАЗИСТ

Алексей Лопухин был старшим из пяти братьев, родился в Орле в дворянской семье в 1864 году.

Его дед – тоже Алексей Александрович – являлся крупным землевладельцем. Отец, начав с мирового судьи, всю жизнь прослужил на судебных и прокурорских должностях, был прокурором окружного суда в Петербурге, а затем прокурором Петербургской судебной палаты. Именно ему было поручено обеспечить обвинение по делу Веры Засулич, которая в январе 1878 года стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, приказавшего высечь политзаключенного Боголюбова за то, что он не снял перед Треповым шапку. Веру Засулич присяжные оправдали. По мнению властей, Лопухин-старший не справился со своей задачей обвинителя и был отправлен в Варшаву председателем судебной палаты.

Начало жизни Алексея Лопухина пришлось на довольно бурную пору в развитии города Орла. К примеру, в том же 1864-м здесь был открыт общественный банк. В последующие годы открыты институт благородных девиц и реальное училище, начало работать губернское земское собрание, в город пришла железная дорога, были сооружены водопровод и “постоянные” мосты через Оку и Орлик, открылись еще несколько банков и одна из первых в России биржа, появились новые газеты, заявило о себе музыкальное общество, была введена нумерация домов и т. д. и т. п.

1860-е годы можно было назвать весной жизни в провинции, эпохой расцвета духовных сил и общественных идеалов, временем горячего стремления к свету. Русских охватило лихорадочное движение вперед, молодежь мечтала о самообразовании и просвещении народа, хотела сделать счастливыми всех. Можно только представить, насколько яркими, интересными и живыми были детство и отрочество Алексея Лопухина, если каждый год он становился свидетелем и участником таких событий, которые прежде и не снились провинциальному Орлу.

Веселая компания однокашников подобралась у Лопухина в гимназии. Это были сын крупного железнодорожного подрядчика и будущий революционер Павел Штернберг, генеральские дети, дальние родственники Лопухиных Петр и Александр Стольпины (Александр позднее стал одним из видных членов партии “октябристов”, редактором газеты “Россия”, а Петр об Алексее спустя много лет вспоминал, что с ним “был дружен в юности”). Отец братьев – Аркадий Дмитриевич Стольпин – был всесторонне образованным человеком, одним из создателей губернской ученой архивной комиссии в Орле, автором книги

“История России для народного и солдатского чтения”. Мать, Наталья Михайловна, урожденная Горчакова, славилась в Орле умом, ее салон считался одним из лучших в городе. Да и сын Петр выделялся среди гимназистов рассудительностью и характером. Доходило до курьезов: если в гимназии случались какие-то значимые события, будоражившие школяров, то интересовались не мнением начальства, а тем, что же сказал Петр Стольпин – тогда еще юноша и ученик (впрочем, орловским учителям это не помешало в итоге вклеить ему в аттестат тройки по логике, русской словесности и латыни).

Как все они были бы удивлены, если бы какая-нибудь гадалка хоть чуть приоткрыла загадку будущей судьбы школяров...

По окончании в 1881 году Орловской гимназии Лопухин поступил на юридический факультет Московского университета, в 1886 году его зачислили на службу по ведомству министерства юстиции в Тульский окружной суд кандидатом на судебные должности. В быстрой карьере Лопухина, без сомнения, особую роль сыграли связи, тем более что женился он на княжне Е.Д. Урусовой. Уже в 1890 году Лопухина назначили товарищем прокурора Рязанского окружного суда, через три года – Московского суда. Еще через три года он уже не товарищ, а прокурор Тверского суда, спустя два года – прокурор Московского суда.

К концу XIX столетия Россия попала в железные тиски, созданные двумя диаметрально противоположными мифами. Один, господствующий, трактовал истерзанную серьезными проблемами страну как край всеобщего благоденствия и был нацелен на сохранение существующего строя. Другой, революционный, обещал благоденствие лишь в случае грандиозного переворота во всех сферах русской жизни. Надежда (нередко подсознательная) на кардинальный перелом, взрыв как на единственную силу, способную разрушить ненавистное бытие и открыть путь в светлое будущее, – подобная надежда согревала едва ли не всю интеллигенцию. Так десятилетиями нарастал кризис между верхами и низами, борьба выплескивалась на улицы и площади, определяя содержание митинговых речей и газетной публицистики, ход забастовок и земских заседаний.

Новый век 36-летний Лопухин встречал в кресле крупного столичного чиновника – прокурора Петербургского окружного суда. Тогда же министр внутренних дел Д.С. Сипягин предложил

ему должность вице-директора департамента полиции, но Лопухин отказался. Аристократы традиционно относились к этому департаменту с осторожностью и предубеждением, считали, что здесь должны служить люди незнатного происхождения. Да к тому же, наверное, сказывалась и чисто орловская манера, кстати, описанная Лесковым в его знаменитом “Грабеже”: в купеческом Орле дворы на ночь крепко запирали от воров, а днем не менее прочно – от визитов полиции.

В начале 1902 года Лопухина назначили прокурором Харьковской судебной палаты. Самым главным для него здесь стало дело о крестьянских волнениях в марте-апреле в Харьковской и Полтавской губерниях. Восстания, которые привели к разгрому множества помещичьих усадеб, были вызваны голодом после неурожая 1901 года. Однако мятежники выдвигали требования не только к конкретным землевладельцам, но уже и к правительству в целом. Вопреки желанию властей не удавалось найти пришлых подстрекателей – крестьянской войной, в которой принимали участие стар и млад, руководили сами старосты, сельские богатеи или просто грамотные крестьяне, особенно бывшие солдаты. Они часто повторяли, что действуют по царскому манифесту, якобы провозглашенному наследником престола великим князем Михаилом, которому помогают студенты.

Массовыми карательными действиями власть задушила бунт – для этого в мятежные губернии было переброшено более десяти тысяч солдат. В крестьян стреляли, пороли их целыми селами, отдавали под суд, ссылали на каторгу. Более решительный и жестокий, не останавливавшийся ни перед чем харьковский губернатор получил благодарность от правительства, а полтавского губернатора, отставшего по числу выпоротых, уволили со службы... За понесенные помещиками убытки правительство наложило на селян дополнительный налог в 800 тысяч рублей. О восстаниях заговорила вся Россия. Как раз в это время террористами был убит министр внутренних дел Сипягин. Назначенный вместо него 56-летний Вячеслав Константинович Плевел (бывший директор департамента полиции, сенатор, статс-секретарь Финляндии, заместитель министра внутренних дел и т. д.) первым делом был вынужден выехать в Харьков и Полтаву.

Лопухин встречал нового министра со смешанными чувствами – не разделить бы участь

полтавского наместника! Западный уроженец Плевел (его отец служил органистом у польского помещика) имел типичную внешность солидного чиновника, барина, стойкую репутацию опытного юриста, по-житейски хитрого, умного и одновременно редкостного... хама, негодяя и крайнего реакционера. Когда-то на заре своей карьеры Плевел даже удостоился эпиграммы орловского уроженца, чиновника и поэта Алексея Апухтина:

Знать, в господнем гневѣ

Суждено быть тако:

В Петербургѣ Плевел,

А в Москвѣ – Плевако!

Поговаривали, что Плевел был фактическим диктатором России. Ведь именно он, будучи во главе полиции, быстро и энергично разгромил “Народную волю”, создал уникальную систему провокации, причем в масштабах и формах, никогда прежде не существовавших в России. А еще Плевел весьма результативно подавлял своеволие земств, боролся против независимости Финляндии. В Петербурге ворчали: поменяли дурака Сипягина на подлеца Плевела...

И все же Лопухин рискнул публично высказать свои взгляды. Он считал, что мятежи и погромы нельзя рассматривать как явления случайные, они виделись Лопухину “результатами общих условий русской жизни, невежества крестьянского населения, страшного его обнищания, индифферентизма (безразличия. – А.К.) властей к духовным и материальным его потребностям и, наконец, назойливой опеки администрации”. В записке о развитии революционного движения в России Лопухин писал, что причинами волнений стали бездействие властей на протяжении пяти лет неурожая и голода крестьян, произвол, обезземеливание, “правовая и духовная приниженность сельских обывателей”.

Парадоксально, но факт: у только что назначенного на министерский пост Плевела после 35 лет службы в министерстве юстиции и МВД вдруг появились некие либеральные мысли. Точнее, он вспомнил о своем давно забытом либерализме, который когда-то даже помогал ему в начале карьеры. Ведь именно при назначении на пост главы департамента полиции в 1881 году Плевел привлек сюда молодые юридические силы “для внедрения (!!) в нем начал законности”, поручив новичкам, между прочим,

сочинение проекта конституции России. Хотя из этого ничего не вышло, разве для историков не оказалось загадкой то, что один из первых проектов фундаментального закона страны был составлен в недрах пресловутого департамента?

Вот и теперь, за два десятка лет добравшись до высшего поста, Плеве снова подумывал о конституции, о свертывании системы провокации как главного метода работы политической полиции. Новому министру были нужны новые люди, которые помогли бы осуществить кое-какие идеи. Почему бы не Лопухин: по взглядам и по складу ума – либерал, по происхождению, по внешности, по привычкам – аристократ. Как нельзя кстати оказалось, что опыт прокурорской службы и самого Лопухина привел к мысли о необходимости реформы полиции и искоренения провокации. Программу реформы Лопухин предложил Плеве, который сразу пригласил его на пост директора департамента полиции.

Но Лопухин дерзко заявил министру, что считает себя непригодным для руководства политическим сыском. К тому времени он уже был известен как блистательный юрист, прогрессист и либеральный законник. Но ведь и Плеве на словах уже отвергал внедрение провокаторов в революционную среду и считал, что государство от них больше вреда, чем пользы. Министр успокоил Лопухина:

– Вы нужны не для сыска (им должно заведовать другое лицо в департаменте), а для участия в общей реформе полиции и в руководстве деятельностью местных властей по охране порядка, когда будут отменены Временные правила 1881 года.

В итоге Лопухин принял предложение Плеве. Назначение состоялось в мае 1902 года. Представим, как Лопухин в первый раз входил в подъезд дома № 16 на набережной реки Фонтанки, где располагался департамент. Тот, кто бывал здесь, неизменно обращал внимание на то, что внутри особняк больше напоминал частный дом, а не государственное учреждение. На массивной мраморной лестнице стояли кадки с пышными цветами, привезенными из экзотических стран. Всюду белая стильная мебель с позолотой, изящные клетки с канарейками.

Однако имелись здесь и кое-какие отличия от особняков богемы Серебряного века. К примеру, на мраморной доске возле центральной лестницы золотом были вписаны фамилии жандармов, погибших при исполнении служебного

долга. Достопримечательностью департамента являлась картинная галерея портретов российских императоров – сплошь работы лучших мастеров, собрание, равного которому в России не было.

В здании располагались архивы по личному составу полиции, полные собрания донесений за несколько лет, досье на агентов – их насчитывалось около 40 тысяч. По сохранившимся документам охранного отделения (при том, что огромная их часть погибла сразу же после революции 1917 года, – это оказалось выгодно для многих и многих) историки позднее вывели заключение: в конспиративных кружках и партиях всех политических направлений “секретных сотрудников” насчитывалось от половины до трех четвертей всех участников...

Лопухин, едва войдя в курс дел, выработал подробный план “для упорядочения полиции” и представил его министру. И даже более того: Лопухин при всяком случае подчеркивал, что автором плана был именно Плеве, как будто и в самом деле желавший упразднения Временных правил и охранных отделений, реформы полиции, передачи политических дел на рассмотрение суда и т. д. и т. п. Но Плеве постоянно откладывал “созидательную работу”, ссылаясь на текущие заботы...

В августе 1902 года Лопухин разослал циркулярное предписание начальникам губернских жандармских управлений, которым они извещались о создании в крупнейших городах России (Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове) особых розыскных пунктов. Лопухин мотивировал их создание тем, что за последние годы шло “развитие кружков, занимающихся пропагандой социал-демократических идей в рабочей среде, брожение среди учащейся молодежи и... наконец, возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян и устройства аграрных беспорядков”.

В то время министерство финансов внесло в Госсовет законопроект о страховании рабочих. Приглашенный на заседание Лопухин, обрисовывая политическую обстановку, буквально шокировал присутствовавших, потому что не переставал повторять слово “революция”. Однако на поддержку Плеве рассчитывать уже не приходилось. Столкнувшись с недоверием и

подозрением, министр под влиянием надвинувшегося революционного террора повернул политику на путь репрессий. Влияние Лопухина, по отзывам современников, “не раз смягчало и вводило в законные рамки железную волю и диктаторские замашки министра, который, считая директора департамента либералом, все же продолжал его уважать и нередко ему уступал”.

В 1904 году под руководством Лопухина было разработано “Временное положение об охранных отделениях”, в котором подчеркивалось: “Главнейшей обязанностью начальников отделений, в целях наилучшего обеспечения их служебной осведомленности, является приобретение секретных агентов и руководство таковыми, причем особое внимание должно быть обращено на то, чтобы они ни в коем случае не устраивали сами государственных преступлений”. Так аристократ Лопухин пытался изменить суть политической полиции России. Тяжело плыть против течения...

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

“Нельзя быть шпионом, торгашом чужого разврата и честным человеком, но можно быть жандармским офицером – не утратив всего человеческого достоинства”, – писал А.И. Герцен, прекрасно знавший все пружины русской государственной машины и общественного устройства. В Орле, где вырос Лопухин, легендарным было имя начальника жандармского управления Жемчужникова.

Подполковник Михаил Николаевич Жемчужников, боевой офицер–артиллерист, участник Отечественной войны 1812 года, уйдя в отставку, несколько лет прожил в Орловской губернии. По личному приглашению начальника III отделения А.Х. Бенкендорфа в 1827 году вернулся на службу – жандармским подполковником в Орле.

Его дом соседствовал с приходским училищем, где учились в основном дети неимущих. У самого Жемчужникова было трое детей, и, отправляясь на службу, он частенько угощал спешащих в школу малышей гостинцами. Однажды обратил внимание на то, что один из ребят, беднее других одетый, держится в стороне от всех и никогда за угощением не подходит. Жемчужников спросил о нем у ребятни. Его поразил ответ: “А он нам не товарищ. Он не из наших. Мы простые, а он дворянчик, помещичий сын”. Жемчужников подошел к мальчику, заговорил с ним. И вот какая история открылась.

После смерти майора Ардальона Подымова, отца мальчика, старший брат покойного отсудил имение у вдовы и выставил ее с тремя малолетними детьми на улицу. Мать вскоре умела, детей разобрали бывшие дворовые люди...

Жандармский подполковник решил непременно доискаться истины: как стал возможен такой произвол во вверенной ему губернии? Долгих полтора года он распутывал нити преступления. Оказалось, что местными чиновниками (гражданскими и духовными) за взятки со стороны брата покойного были уничтожены свидетельства о браке и формулярный список майора Подымова. В результате вдове обвинили в “блудодействе”, а дети были признаны незаконными. Жемчужникову удалось доказать все факты подлога. Священник сознался в обмане, губернатор и прокурор были вынуждены начать новое следствие. Имение возвратили детям, всех трех братьев Подымовых Жемчужников определил в кадетский корпус. Орловский губернатор отправился в отставку, были наказаны и другие “действующие лица” той истории. С 1835 по 1840 год Жемчужников служил гражданским губернатором в Петербурге.

РЕВОЛЮЦИЯ, КОНЕЦ КАРЬЕРЫ...

После убийства Плева террористом Евгением Созоновым в июле 1904 года (это была пятая попытка ликвидировать главу МВД) Лопухин как руководитель департамента полиции присутствовал при официальном осмотре оставшихся в кабинете министра бумаг. Среди прочего была обнаружена кипа перехваченных на почте писем – министры внутренних дел ни до, ни после Плева не брезговали чтением чужих посланий, просматривалась даже почта членов правительства и великих князей. Лопухин увидел здесь и свои (как же бдителен был, оказывается, министр, два года назад пригласивший к себе на верную службу!). В пачке лежали копии писем Лопухина двоюродному брату и другу, профессору Московского университета князю С.Н. Трубецкому. Кроме копий в министерском сейфе хранились и два письма Лопухина в подлинниках, не доставленные адресату. Их задержали, так как, по мнению цензоров, автор “доказывал близость революции и неизбежность свержения самодержавия”.

Да, Лопухин критиковал политику Плева, но свои взгляды никогда не скрывал от министра.

“С ним можно было работать. С умными людьми хорошо иметь дело и тогда, когда расходишься с ними во взглядах”, – говорил себе Лопухин, искренне сожалея о смерти своего шефа. Покойного Плеве на министерском посту сменил князь П.Д. Святополк-Мирский. Наступила, как говорили тогда, “правительственная весна”, “эпоха доверия” – новый глава МВД решил сделать кое-какие уступки взбудораженному общественному мнению. Лопухин сразу посоветовал министру подать царю докладную записку о реальном положении в стране. Но Святополк-Мирский отказался. Тогда Лопухин взялся за дело сам, решив, что скажет царю правду о революционной опасности, может быть, даже грубую, чтобы Николай II одумался, чтобы у него не было ссылок на то, будто он был обманут и от него все скрывали.

Лопухин писал о плачевных итогах пресловутых Временных правил: ни одно из них, несмотря на бесконечные продления, не дало желаемого результата. Смертные казни вели лишь к росту терроризма, зачисление активных интеллигентов в разряд неблагонадежных и лишение их возможности заработать кусок хлеба в земствах только увеличивали число недовольных властью. Осудил Лопухин и практику произвольных обысков, арестов без достаточных оснований, ссылок: “Озлобляя население, административная ссылка разбрасывала революционное движение по лицу земли русской, и в настоящее время уже известны случаи имевшей успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и в Киргизской степи”.

Итак, 6 декабря 1904 года Лопухин передал министру аналитическую записку, где подчеркивал, что революционная ситуация в стране является логическим следствием произвола и бездействия власти по отношению к жизненным интересам народа. Признавая, что борьба с крамолой одними полицейскими методами бессильна, Лопухин предлагал как можно скорее противопоставить революции законодательные реформы.

Уже спустя два дня Святополк-Мирский передал крамольную записку Лопухина Николаю II. Царь никак не отреагировал, и Лопухин позднее вспоминал о тех днях: “Единственным последствием моей записки было то, что при дворе и в кругах петербургской бюрократии я был произведен в революционеры, во всяком случае, в человека в смысле карьеры отпетого”. Великосветские дамы и вовсе называли его красным.

Еще спустя четыре дня был издан указ “О мерах к усовершенствованию государственного порядка”. Согласно указу и по поручению председателя Комитета министров С.Ю. Витте Лопухин 28 декабря 1904 года составил еще одну записку – на этот раз о практическом значении действовавшего с 1881 года Положения об охране, которое подверг резкой критике, подчеркнув, что оно не дало никаких результатов.

Лопухинские тезисы взорвали петербургскую аристократию. В январе 1905 года на заседании Комитета министров Витте восклицал, потрясая его запиской, что близость революции неувидительна, когда во главе департамента полиции стоит деятель, позволяющий себе такую критику законов...

Дни Лопухина в кресле директора департамента были сочны. После событий 9 января 1905 года боевая организация эсеров вынесла смертный приговор великому князю Сергею Александровичу, недавнему генерал-губернатору Москвы, в те дни назначенному командующим Московским военным округом. В Москве этого упрямого, дерзкого, подчас невежественного царедворца за глаза называли “князем Ходынским” – именно он возглавлял коронационную комиссию Николая II и в мае 1895 года занимался организацией грандиозной церемонии, которая завершилась дикой давкой – по официальным сведениям, погибло 1389 человек... Боевики спешно готовили покушение. Через осведомителей об этом стало известно охранному отделению, и Д.Ф. Трепов, крупный полицейский чиновник, близкий друг Сергея Александровича, настоятельно попросил Лопухина ассигновать дополнительно 30 тысяч рублей для организации усиленной охраны великого князя.

Лопухин отказал – и это была роковая ошибка. 4 февраля террорист Каляев убил Сергея Александровича.

Когда министр внутренних дел А.Г. Булыгин (он сменил уволенного Святополк-Мирского), Лопухин и вице-директор департамента полиции Н.П. Зуев обсуждали случившееся, в кабинет министра без всякого доклада ворвался Трепов. Не поздоровавшись, повышенным тоном бросил Лопухину:

– Этим мы вам обязаны! – и так же быстро удалился.

4 марта за непринятие должных мер по охране Сергея Александровича Лопухин был снят с должности директора департамента полиции.

В ТЕНИ СТОЛЫПИНА

Незадолго до окончательной отставки Лопухину пришлось выполнить одно деликатное поручение. Накануне первых выборов в Государственную думу Дурново решил направить избирательную кампанию в нужное русло, для чего послал к губернаторам доверенных лиц. Лопухину “достались” три поволжские губернии (он сам напросился в Саратовскую, ссылаясь на то, что губернатором там давнишний его приятель Столыпин, с которым они всегда были на “ты”). Эмиссаров снабдили письмами за подписью Дурново на имя губернаторов с предписанием “исполнить то, что будет передано”. Однако поездка не имела последствий. До выборов оставалось мало времени, да и никто не знал, как взяться за дело, на кого опереться: Саратовская губерния в ту пору была одним из самых горячих очагов смуты. Грабежи, поджоги, резня, безжалостные истязания людей широко прокатывались по приволжским степям.

Лопухин с грустью повидался со своим старым товарищем. Бывший гимназист стал теперь широкоплечим усмирителем буйной губернии, в густой черной бороде появилась проседь. Лопухин вспомнил, что такая же суровость была видна на лице Петра, когда на руках у него умер брат, военный, сраженный пулей дуэлянта. Жизнь делала суровым и стойким, как будто готовя к новым и новым испытаниям...

Столыпин дружески, с размаха подал Лопухину руку, немного сведенную в кисти от удара, полученного во время какой-то манифестации или демонстрации. Губернатору было явно не до выборов. Без всякого трепета, полным несокрушимой смелости он шел и в многотысячную толпу, и во взбунтовавшийся острог. Лопухина поразили два из многих эпизодов, рассказанных ему тогда в Саратове. Когда Столыпин вышел к вооруженным крестьянам, он легко сбросил с плеч пальто, крикнув оказавшемуся рядом парню: “Возьми!” Тот подхватил одежду, окружающие машинально разом сняли шапки и будто протрезвели. А в тюрьме в Столыпина швырнули увесистый кусок железа. Злоумышленник чуть промахнулся — смертельный металл, попав в голову одного из сопровождавших губернатора казаков, сразил наповал. Сама формулировка привезенного Лопухиным письма “исполнить то, что будет передано” в этих обстоятельствах выглядела нелепо...

Уже совсем скоро Лопухин, вернувшийся в Петербург, бросил новый вызов власти. В последние месяцы своей службы он раскрыл существование в департаменте полиции тайной типографии, печатавшей антиеврейские прокламации, которые призывали к погромам (впрочем, во многих губерниях именно чины жандармерии и полиции были вдохновителями, авторами и распространителями прокламаций). Во время крестьянских мятежей, демонстраций рабочих в толпе часто оказывалось два-три эсеровских боевика, начинали пальбу из пистолетов по полиции или казакам. Гремели ответные выстрелы, падали жертвы... Зато ответные крутые меры всегда были любимы чиновниками, приветствовавшими рвение полицейских или военных. А назавтра эсерам оставалось только подсчитать количество жертв и наметить новую кандидатуру из враждебного класса, ответственную за бойню. Начиналась очередная охота за очередным губернатором... Россия погружалась в кровавый хаос.

Лопухин был уверен в том, что погромы устраивает полиция вместе с черносотенными организациями. Как частное лицо он пришел на прием к премьер-министру С.Ю. Витте и сообщил, что в МВД под руководством Трепова создана и действует секретная группа, печатающая прокламации. Непосредственным исполнителем являлся капитан жандармского корпуса М.С. Комиссаров (когда к нему случайно обратились с вопросом о том, как идут “дела”, капитан простодушно ответил: “Погром устроить можно какой угодно, хотите на десять человек, а хотите на десять тысяч”).

Лопухин просил Витте закрыть “подпольную” типографию. Тогда Витте потребовал доказательств, и мятежный чиновник принес ему образцы прокламаций. Но Витте, как сам он признавался, не дал делу хода, считая некорректным разглашение служебной тайны.

После выхода в отставку Лопухин пытался поступить в присяжные поверенные, но из-за предыдущей службы в полиции его не приняли, и он занялся частной юридической практикой: стал посредником в предпринимательских сделках, в создании новых акционерных обществ.

В апреле 1906 года на пост министра внутренних дел назначили Столыпина. Лопухин при случае и его посвятил в детали погромной деятельности тайной типографии и самого департамента полиции, к чему министр,

как показалось бывшему директору, отнесся “с искренним негодованием, высказав полную решимость покончить” с произволом. Попутно Лопухин рассказал о типографии брату жены Сергею Дмитриевичу Урусову – бывшему бессарабскому и тверскому губернатору, бывшему заместителю министра внутренних дел, а в то время депутату Государственной думы от Калужской губернии. Об издании провокационных прокламаций прогрессист и либерал Урусов сообщил на заседании Государственной думы, представив переданные ему Лопухиным документы. Дума срочно обратилась за разъяснениями к министру внутренних дел. Однако Столыпин, отвечая на запрос в июне 1906 года, попросту свел дело к “неправильным” поступкам отдельных лиц, действовавших как будто бы по собственной инициативе, и отрицал наличие в департаменте “преступной типографии”.

О лживом ответе министра думцам Лопухин узнал из газет, будучи за границей. Сразу написал письмо Столыпину, еще раз повторив сказанное в беседе. Однако, вернувшись в Петербург, Лопухин при новой встрече понял, что Столыпин “сознательно искажал истину в своих заявлениях перед Думой”. После этого их отношения, как было принято говорить в ту пору, порвались. Осенью 1906 года состоялась последняя встреча Лопухина со Столыпиным, на которой они говорили об августовском погроме в Седлеце (польский город. – А.К.). Столыпин “с величайшим раздражением” назвал Лопухина “революционером”, и они, по воспоминаниям Лопухина, “разошлись окончательно”. Более того, Столыпин вскоре поставил вопрос о предании Лопухина суду, но тогдашняя юстиция не нашла состава преступления в действиях опального экс-директора полиции.

В 1907 году Лопухин издал книгу “Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции”. Скорее всего, на литературную стезю его подвиг пример брата жены С.Д. Урусова, который в том же году выпустил в свет книгу “Записки губернатора”, где был описан кишиневский период жизни. Разоткровенничавшемуся Урусову не повезло – вскоре после выхода книги и роспуска Госдумы он был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

Но, похоже, никакие угрозы не пугали Лопухина, который во всех подробностях показал читателям роль политической полиции в жизни страны.

Основной функцией полиции, подчеркивал экс-директор, является охрана государственной власти от народа. Лопухин резко отрицательно оценивал профессиональные качества личного состава корпуса жандармов, подчеркивал вседозволенность, безграничность власти и безнаказанность полиции при постоянных нарушениях ею закона.

“При отсутствии элементарных научных понятий о праве, при знакомстве с общественной жизнью только в ее проявлениях в стенах военной школы и полковых казарм все политическое мировоззрение чинов корпуса жандармов заключается в представлениях о том, что существуют народ и государственная власть, что последняя находится в непрестанной опасности со стороны первого, что она подлежит от этой опасности охране и что для осуществления таковой все средства безнаказанно дозволены. Когда же такое мировоззрение совпадает со слабо развитым сознанием служебного долга и неспособностью по умственному развитию разобрататься в сложных общественных явлениях, то основанные на нем наблюдения останавливаются только на внешних признаках этих явлений, не усваивая внутреннего их содержания, и потому всякое явление общественное принимает характер для государственной власти опасного. Вследствие чего охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а, в конечном счете, приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной”.

В качестве практических шагов на пути реформ Лопухин предлагал ликвидацию(!) политической полиции, он считал, что полиция должна заниматься охраной порядка, частной и общественной безопасности, находиться в ведении местного самоуправления. Он призывал к “упразднению бюрократического принципа”, в чем видел “положительное начало демократическое”. Развивая этот тезис, Лопухин считал, что господство демократического принципа может быть обеспечено только путем самоуправления, участия всего народа в законодательной деятельности, в

распоряжении народными деньгами и контролем над исполнительной властью. От этих рассуждений рукой было подать до социалистической идеи...

Крамольная книга оказалась лишь “предисловием” к грандиозному делу провокатора Азефа, в разоблачении которого Лопухин сыграл решающую роль.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Руководитель боевой организации эсеров с 1903 года Евно Фишелевич Азеф состоял в партии с момента ее основания, с 1893 года являлся агентом царской охранки. Как глава террористического клана, Азеф участвовал практически во всех кровавых акциях: в убийстве министра внутренних дел Плеве, в убийстве великого князя Сергея Александровича, в покушении на петербургского генерал-губернатора Трепова, в покушении на киевского генерал-губернатора Клейгельса, в покушении на нижегородского генерал-губернатора барона Унтербергера, в покушении на московского генерал-губернатора Дубасова, в покушении на офицеров Семеновского полка генерала Мина и полковника Римана, в покушении на заведующего политическим розыском Рачковского (кстати, своего покровителя!), в убийстве Георгия Гапона, в покушении на командующего Черноморским флотом Чухнина, в покушении на премьер-министра Столыпина и в трех покушениях на царя. Кроме того, он заранее знал об убийстве саратовского генерал-губернатора Сахарова, об убийстве главного военного прокурора Павлова, о покушении на великого князя Николая Николаевича, о покушении на московского генерал-губернатора Гершельмана.

В сентябре 1905 года Л.П. Меньшиков, один из наиболее опытных (стаж – почти два десятка лет) сотрудников политической полиции, но тайно убежденный революционер, передал в ЦК партии эсеров письмо, с неопровержимыми подробностями разоблачившее двух главных агентов охранки – Азефа и Н.Ю. Татарова. Но авторитет Азефа после покушения на Плеве был так велик, эсеры настолько не могли поверить в изощренность полиции, что Азефу удалось свалить всю вину на Татарова и добиться казни своего товарища по партии.

ПОЕЗД КЕЛЬН–БЕРЛИН

Еще в канун русско-японской войны в Париже состоялась встреча лидеров либеральной фронды с вождями террористического подполья. “Цвет” русской демократии представляли будущие лидеры кадетской партии князь П. Долгоруков, П. Милюков и П. Струве. Партнерами по переговорам выступили В. Чернов, Натансон и Азеф. Масонство причудливо объединило столь разных представителей русской оппозиции. На этом совещании “братья” вынесли резолюцию об “уничтожении самодержавия”, которое предполагалось заменить “свободным демократическим строем”. Также шла речь о “праве национального самоопределения” народностей, населяющих Российскую Империю. Круг замкнулся. Русское либеральное масонство протянуло братскую руку политическому терроризму, чтобы общими усилиями нанести удар по алтарю и трону. Быть может, в тот момент Азеф, слишком много знавший, оказался лишней фигурой в игре? Сигналы, разоблачающие его, снова поступали эсерам – не только из Петербурга, но и из Саратова, Варшавы.

За распутывание таинственного клубка взялся “дедушка террора” эсер Владимир Бурцев, получивший позднее прозвище “охотник за провокаторами”. Во время первой русской революции он обратился с письмом к ... Витте, где обещал власти поддержку в борьбе против террора, если та перестанет преследовать “истинных революционеров”. В 1900 году Бурцев организовал за границей журнал об истории революционного движения в России под названием “Былое”. В 1906 году редакция переехала в Петербург. Сюда порой стал захаживать оставшийся не у дел Лопухин. Авторитет экс-директора департамента полиции в редакции журнала был достаточно высок: именно Лопухин разрешил в свое время историкам познакомиться с “пушкинским делом”, хранившимся в архиве Третьего отделения. Бурцев, профессионально занимавшийся расследованиями, “в шутку” не раз заводил с Лопухиным разговор на тему провокаторов и провокаций. Экс-директор ее не поддерживал, но однажды на прямо поставленный вопрос пообещал подробно и откровенно поговорить, когда они оба окажутся за границей.

Лето 1908 года Лопухин с семьей провел в Нейенаре – курортном городке вблизи Кельна.

Поездка в Европу была вызвана болезнью жены, Лопухины планировали поехать еще и в Италию. Отдых был омрачен и душевной усталостью, и тем, что брат жены, 46-летний Сергей Урусов, с апреля находился в заключении в Таганской тюрьме. Лопухин, как и обещал, дал знать о себе Бурцеву, но письмо пришло к "охотнику за провокаторами" с огромным опозданием из-за того, что Бурцев в то время жил в Париже на новой улице, где почтовое обслуживание еще не было налажено. Совершенно случайно Бурцев узнал, что Лопухин в Германии и через два дня едет в Берлин.

Не теряя ни минуты, Бурцев отправился в Кельн, предполагая встретить старого знакомого прямо на станции или даже в поезде. 5 сентября 1908 года в час дня Лопухин вышел из нейенарского поезда на перрон Кельнского вокзала и быстро сел в берлинский экспресс. Бурцев вскочил в вагон и вошел в купе Лопухина. Их разговор продолжался шесть часов. Точнее, Бурцев почти непрерывно нервически рассказывал Лопухину об Азефе. Лопухин упорно молчал. В купе были другие пассажиры, они часто сменялись, с удивлением и усталостью смотрели на эту странную парочку, не понимая русской речи.

Первые четыре часа Бурцев вообще не называл имени гроссмейстера провокации. Он просто детально, в мельчайших подробностях обрисовывал всю механику совершения чудовищных преступлений: явки, оружие, информирование, методы ухода от преследований. С каждым часом выражение лица Лопухина становилось все более напряженным и озадаченным. Ему рассказывали о том, о чем он мог только догадываться, ему рассказывали о том, что он не мог даже предположить. Под стук колес Лопухин сначала узнал о том, кто был организатором убийства Плеве. Потом речь шла о том, кто направлял руку убийцы великого князя Сергея Александровича... Более того, по словам Бурцева, эта же банда готовила покушение на самого императора. Своими страшными повествованиями страстный собеседник как бы показывал Лопухину, что любое, даже самое невероятное признание бывшего директора полиции уже ничего не добавит к ужасающей картине разоблачений. Казалось, Лопухин мог просто прекратить этот разговор, выгнать непрошеного гостя из купе и на этом поставить точку, обезопасив свою судьбу от грядущих потрясений.

Но Лопухин слушал не перебивая. Когда Бурцев любезно переспрашивал:

– Позвольте мне рассказать вам еще одну подробность о деятельности этого агента?

Лопухин послушно кивал:

– Пожалуйста, пожалуйста.

У Лопухина был вид человека, узнавшего небывалые факты, он был крайне взволнован, потрясен...

Бурцев, чувствуя, что силы уже на исходе, наконец прямо спросил Лопухина, действительно ли Азеф состоял на службе в полиции и имел ли Лопухин с ним дела в бытность свою директором департамента. После долгого колебания и настоячивых просьб Бурцева Лопухин на оба вопроса ответил утвердительно. Он сообщил, что несколько раз встречался с Азефом по служебным делам. Писатель Марк Алданов, которому о той поездке рассказывали и Лопухин, и Бурцев, считал, что решающее значение для Лопухина имели слова Бурцева о царевубийстве, которое готовил Азеф.

Бурцев был как будто поражен громом. Он пожал руку Лопухину и исчез из вагона...

Такова общепринятая версия встречи Лопухина и Бурцева. Есть и другая: будто, находясь в Париже, Лопухин получил известие из Лондона, что при выходе из театра его дочь была отгеснена толпой и пропала. Тогда он кинулся в поезд и поспешил в Лондон. В какой-то момент в его купе вошел Бурцев и предложил обмен: вы нам, Алексей Александрович, называете имя полицейского агента, а мы вернем вашу дочь. На следующий день освобожденная дочь вернулась к отцу в лондонскую гостиницу.

Так или нет, но признание Лопухина поначалу не сыграло особой роли в предпринятом расследовании. Доверие к Азефу его соратников было настолько велико, что они не поверили бы доносу, написанному даже собственной рукой Азефа. С другой стороны, они не видели цели у Лопухина обманывать Бурцева. Эсеры не могли допустить мысли, что он участвует в полицейской интриге: бывший директор департамента едва ли мог унизиться до роли мелкого провокатора. Скорее, случилось печальное недоразумение: Лопухин принял за Азефа кого-то другого...

МЕЧ ПРАВОСУДИЯ

Из Парижа в Петербург приехал эсер А.А. Аргунов. Он навел справки и убедился, что Лопухин

заслуживал доверия – давно порвал связи с правительством, не был принят в конституционно-демократическую партию, как бывший полицейский чиновник. Увидевшись лично с Лопухиным, Аргунов узнал и о том, как 11 ноября к нему на квартиру явился Азеф и именем своих детей умолял не губить его, взять обратно свое покаяние, данное Бурцеву.

...Лопухин приехал в Лондон в декабре. На встречу с ним в маленькую гостиницу недалеко от Чаринг-Кросса прибыли лидеры эсеров В.М. Чернов, А.А. Аргунов и Б.В. Савинков. Лопухин подтвердил им то, что сказал в поезде Бурцеву. Он говорил об Азефе: “Вся жизнь этого человека – сплошные ложь и предательство. Революционеры Азеф предавал нам, а нас – революционерам. Пора положить конец этой преступной двойной игре”. Лопухин считал деятельность Азефа, который вызывал отвращение, безнравственной и хотел предотвратить новые террористические акты. Впрочем, последний тезис звучал неубедительно, ведь Лопухин хорошо знал: Азеф уже отошел от дел.

Сказывалось в первую очередь стремление “обиженного” властью Лопухина свести личные счеты. Он считал Азефа главным организатором убийства великого князя Сергея Александровича и, соответственно, человеком, повинным в крушении своей блестящей карьеры, – желание расквитаться было вполне понятно. Двоюродный брат, В.Б. Лопухин, бывший директор департамента министерства иностранных дел, писал о свойственном А.А. Лопухину мальчишеском темпераменте, лишавшем его “сплошь и рядом чувства меры”. В.Б. Лопухин считал, что его брат пошел на разоблачение из чувства мести властям за неудавшуюся карьеру.

В искренности Лопухина лондонским эсерам не приходилось сомневаться: он говорил уверенно и спокойно, действовал более чем бескорыстно, зная, что правительство будет преследовать его. Рассказ Лопухина и ложь Азефа о его пребывании в Мюнхене окончательно убедили Аргунова, Чернова и Савинкова в виновности Азефа. ЦК решил допросить Азефа о дне 11 ноября. Допрос вел Чернов, стараясь не показать ему своих подозрений. Партийный суд, членами которого были избраны П.А. Кропоткин, В.Н. Фигнер и Г.А. Лопатин, приговорил Азефа к смерти. Однако тот ускользнул от расплаты и с фальшивым паспортом, выданным ему Герасимовым, скрывался еще целых десять лет (умер в 1918 году).

После провала именитого террориста в Государственной думе “состоялся запрос” Столыпину по делу Азефа: убийство агентами департамента полиции людей такого масштаба, как министр внутренних дел Плеве и великий князь Сергей Александрович, – дело неслыханное! В прессе зазвучали вопросы, кого же Азеф предавал чаще: охранку эсеровской партии или террористов – охранке? Лопухин был убежден, что гораздо больше урона Азеф нанес полиции. Столыпин, напротив, категорически отстаивал версию о выдающихся заслугах Азефа.

Лопухин был арестован и предан суду по обвинению в разглашении служебной тайны. Конечно, он вряд ли мог предполагать, что он будет привлечен к суду как государственный преступник по инициативе Столыпина – товарища по Орловской гимназии и даже дальнего родственника. На письменном докладе об аресте Лопухина, поданном Столыпиным царю, самодержец начертил: “Надеюсь, будет каторга”.

Приговор на основании статьи 102 Уголовного уложения был вынесен в мае 1909 года: пять лет каторги, с лишением всех прав и состояния. Однако общее собрание кассационных департаментов Сената смягчило кару – каторга была заменена ссылкой в Сибирь.

Для кого-то из читателей сегодня, может быть, непонятно, почему разоблачение провокатора Азефа нанесло такой тяжелый удар по государственной машине России. Тогда, почти век назад, многие поняли, что монархическая государственность обречена, что конфликт с интеллигенцией, которая по мере ослабления официальной религиозности народа играла все более важную роль в поддержке (или, напротив, подрыве) власти, стал быстро углубляться. Власть попала в порочный круг, из которого не было видно выхода, – сам ее организм стал возвращать провокацию и требовать, как наркотик, все больших и больших доз. Новые провокации только запутывали дело, и в высших кругах раздавались требования о предании военному суду то одного, то другого руководителя политической полиции, которых приходилось защищать лично Столыпину. Один из историков – исследователей того периода – Б.И. Николаевский писал: “Уже сама возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создалась после дела Азефа на верхах политической полиции.

Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах – с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире – с другой, – такова была месть Азефа-провокаatora той системе, которая создала возможность его появления на свет Божий”.

Алексей Лопухин отправился в ссылку, Петр Столыпин летом 1909 года в последний раз побывал в Орле – его приезд был встречен с помпой. Вспоминал ли Столыпин о гимназических годах, о своем однокашнике, с которым в один день получил аттестат зрелости?

Лопухин отбывал ссылку сначала в Минусинске, а с 1911 года – в Красноярске. Именно здесь он узнал об убийстве Столыпина в Киеве. По иронии судьбы убийца был агентом охранки, и после рокового выстрела киевские полицейские яростно дрались друг с другом, пытаясь вырвать у террориста... именно пригласительный билет (!) в театр. Если для одних это была улика, нити которой указывали на организатора, то для других – неопровержимое признание их личной роли в подготовке покушения: провокация как защитник государства неминуемо становилась и его палачом.

В декабре 1912 года благодаря заступничеству брата-полковника Лопухин получил высочайшее помилование с восстановлением в правах. Вернувшись в Центральную Россию, Лопухин стал виднейшим юристом в области банковского дела, служил в Москве вице-директором Сибирского торгового банка. После революции 1917 года пять лет жил в Москве, а потом с разрешения нового правительства уехал во Францию. Одна эмигрантская газета позже отмечала: “При захвате большевиками в Петрограде банков значительная доля забот и переговоров с новыми господами выпала на долю Лопухина, обнаружившего при этом обычную смелость и присутствие духа”. Умер Алексей Александрович 1 марта 1928 года от сердечного приступа. Как подытожил хорошо знавший его писатель Марк Алданов, “бывший директор департамента полиции был русский интеллигент, с большим, чем обычно, жизненным опытом, с меньшим, чем обычно, запасом веры, с умом пронизательным, разочарованным и холодным, с навсегда надломленной душой”.

Конечно, Лопухин никогда не был революционером, тем более “красным”. П.Д. Святополк-Мирский говорил, что политические взгляды

Лопухина “хотя и прогрессивные, но вполне умеренные”. М.С. Комиссаров, именно тот самый, который печатал погромные прокламации в департаменте полиции, называл Лопухина, разоблачившего его, “честнейшим человеком”. Сам факт обнародования правды об Азефе нанес сокрушительный удар по эсеровскому терроризму, породив в партийной среде всеобщее недоверие друг к другу. Вожди партии смогли осмыслить масштаб этой катастрофы спустя много лет, только через четверть века, когда в России сложилась уже совсем другая система власти, когда сами вчерашние революционеры стали палачами и в сравнении с 1937 годом померкли в жестокости все предыдущие. А значит, в пропасть, образованную непримиримыми станами нашего общества (консерваторами и революционерами), неизбежно должны были попасть те, кто пытался рассуждать взвешенно и прагматично, исходя из реалий русской жизни.

... Хорошо ранним зимним вечером пройти в центре Орла к трамвайной остановке под окнами здания бывшей гимназии, где теперь, после недавней реставрации, разместился юридический факультет государственного университета. То же крыльцо, которое десятилетиями встречало гимназистов, тот же строгий и торжественный фасад. Разве что добавились ныне шесть небольших бюстов в честь самых именитых выпускников, один из них – бюст премьер-министра России П.А. Столыпина. А имя А.А. Лопухина вместе с двумя-тремя десятками других вписано золотом на парадной мраморной доске внутри здания – точно так, как это было в старом департаменте полиции. Отбушевали трагедии, жизнь двинулась дальше, дальше, примиряя всех и вся... Умильная картина предстает вечерами сквозь приоткрытые жалюзи ярких окон факультета: студенты сосредоточенно пишут конспекты, слушая строгих преподавателей. Сегодня для этих школяров пока только мечта – стать судьями, прокурорами, адвокатами (едва ли не самые престижные профессии в современной России!). Задумывается ли кто-нибудь из них, сколько сил, мужества, мудрости потребует это поприще, как непросто служить истине и правосудию? Может быть, рассказанная мной история о судьбе гимназиста, учившегося здесь когда-то, поможет лучше понять свое предназначение в этом беспощадном и незащитном мире?